

Содержание

Демон Пенрика	5
Пенрик и шаман	129
Лиса Пенрика	269
Маскарад в Лоди	405

Косые лучи утреннего солнца озаряли луга, вдыхая бледную зелень в сплетение ветвей далеких лесов, выхватывая розовые и белые цветы, прячущиеся тут и там среди молодых листьев. Мягкий весенний воздух был наполнен обещаниями. Прежде чем уйти в фургон вместе с сестрами Пенрика, чтобы руководить последними приготовлениями, мать Пенрика подняла лицо к прохладному синему небу и провозгласила, что это отличный день для помолвки; вне всякого сомнения, боги наконец-то улыбнулись дому Юральд! Пенрик удержался от замечания, что, согласно просвещенным святым, боги не управляют погодой, и получил в награду за свое сыновнее терпение материнский приказ поторопиться, закончить с одеванием и следовать за ними! Сейчас не время еле волочить ноги!

Мрачно глядя в пространство между покачивающимися ушами своей лошади, Пенрик размышлял о том, что еще лучше этот день подходил для рыбалки. Не самое увлекательное времяпрепровождение, но это было единственное из обнаруженных им занятий, во время которого люди прекращали *болтать* с ним. Он пытался представить, будто грязная извилистая дорога ведет в какое-нибудь не столь привычное место, как Гринуэлл-гаун. Надо полагать, так оно и было, если уехать достаточно далеко. Как поступил его старший брат Дрово. Не самая радостная мысль.

Нахмурившись, он посмотрел на коричневые рукава своей куртки, прошитые оранжевой и золотой нитью с неприятным латунным оттенком. Даже сейчас он носил одежду, доставшуюся по наследству. Изящный наряд был новым, когда Дрово впервые надел его в тринадцать лет, принося клятву боевому Ордену Сына, чтобы стать посвященным пажом — что полностью соответствовало не только его полу, возрасту и положению, но также неистовому духу, полагал Пенрик. Дрово слишком быстро вырос из этого платья, чтобы оно успело сильно износиться или протереться. Его извлекли из сундука, провонявшего камфарой, и подогнали по меркам девятнадцатилетнего Пенрика, позаимствовав немного ткани с плеч, чтобы удлинить брюки. Пенрик попытался подбодрить себя мыслью, что эта одежда хотя бы не досталась ему от *сестер*, но на самом деле он почти не сомневался, что надевая под куртку льняная рубаша, потертая и мягкая, когда-то была блузой.

Что ж, больше Дрово не будет вырастать из одежды.

Его смерть в прошлом году от лагерной лихорадки в Адрии, еще прежде чем он успел помочь своей компании наемников проиграть первую битву, стала вторым ужасным ударом, обрушившимся на их семью за последние четыре года. Первым была кончина отца от стремительной челюстной инфекции, развившейся по причине невылеченного абсцесса зуба. Все они скучали по веселому лорду Юральду, пусть и не по его пьянству и азартным играм. Старший брат Пенрика, лорд Ролш, казался более трезвым главой рода, если бы только не велся с такой легкостью на каждого встречного набожного попрошайку, что в лохмотьях, что в храмовом одеянии. Как будто лорды Юральд не правили местными селянами, чьими любимыми занятиями были стрельба из лука, браконьерство и уклонение от налогов. Вот почему Дрово взял у вербовщика причитавшиеся новобранцу деньги, потратил их на собственное снаряжение и отправился воевать за горы, весело

пообещав вернуться с добычей и поправить финансовые дела семьи.

По крайней мере, его судьба исцелила семейство от попыток заставить Пенрика поступить так же...

Не то чтобы у него когда-нибудь возникало подобное желание. Задиристый Дрово в одиночку превратил юность Пенрика в страдания; лагерная жизнь с целым отрядом таких же драчунов заранее казалась ему кошмаром. И это не говоря уже о суровых сражениях.

— Прибавь скорость, Малыш Пен, — посоветовал Пенрику Ганс, его слуга, которого он знал с самого детства. — Не хочу получить выговор за то, что доставил тебя с опозданием.

— Я тоже, — согласно вздохнул Пен, и они пустили копейку.

Пен попытался настроиться на более радостный лад, под стать утру. Постель дочери богатого торговца сыром определенно была более приятным полем битвы, нежели поля сражений на севере. Прейта была милой и округлой, совсем как прилагавшийся к ней кошелек. Пенрик задумался, осознавала ли она, что за пустышку купила ей семья вместо титула. Во время трех дозволенных им свиданий — разумеется, под строгим присмотром — она, казалось, испытывала некие сомнения насчет происходящего, хотя и осталась довольна внешностью Пена. Застенчивость или прозорливость? Леди Юральд, невестка Пена, подобрала ему невесту и договорилась о браке, воспользовавшись связями с матерью Прейты. Предполагалось, что ее родители осознают, что приобретают. Задача Пена — сделать так, чтобы девушка не пожалела о сделке.

Насколько трудно быть мужем? *Не пить, не играть в азартные игры, не притаскивать за стол охотничьих псов. Не бояться зубодеров. Не делать глупостей с деньгами. Не становиться солдатом. Не бить девочек.* Он не испытывал желания нарушать какой-либо из этих запретов. При условии, что

старшие сестры не считаются девочками. Быть может, *не бить девочек первым*.

Возможно, обеспечив себя женой и приданым, он убедит Прейту переехать куда-нибудь дальше по дороге? Пен вообразил домик у озера, в котором все слуги наняты им лично. Однако Прейта, похоже, была весьма привязана к своей семье. И ни один из молодоженов не получит щедрого содержания, пока Пен не достигнет совершеннолетия. До тех пор распоряжаться финансами будет Ролш. Который вряд ли согласится на избыточные траты на размещение молодых далеко от его отцовского ока, пока при дворе Юральдов оставалось место. И Пен не сомневался, что Прейта и не помышляла о жизни в домике — скорее всего, маленьком, и вечно сыром.

Постарайся, строго велел себе Пен, когда они свернули на главную дорогу к Гринуэллу, а следующей его мыслью было: *Что это?*

На обочине остановилась странная группа из людей и лошадей.

Человек в шляпе, к которой бляхой крепились заливчатские сине-белые перья, выдававшие члена Ордена Дочери, удерживал четырех норовистых скакунов. У него на поясе висело оружие храмового стражника. Второй стражник и женщина в одежде прислуги высшего класса склонились над фигурой, распластавшейся на расстеленном плаще. Возможно, лошадь сбросила всадника? Пен остановил своего коня.

— Кто-нибудь пострадал? — крикнул он. Приблизившись, он разглядел, что лежавший на спине человек был пожилой женщиной, седовласой и бледной, в одеяниях непонятного цвета. — Вам нужна помощь?

Второй стражник выпрямился и быстро повернулся к нему.

— Юный сэръ! Вам известно, далеко ли до следующего города и есть ли там целители Матери?

— Да, до Гринуэлла меньше пяти миль по этой дороге, — ответил Пен, показав рукой. — Орден Матери содержит там богадельню.

Стражник забрал поводья трех лошадей у своего товарища и хлопнул его по плечу.

— Скачи за помощью. Привези носилки, а лучше повозку.

Тот кивнул, запрыгнул в седло, развернул лошадь и ударил пятками по бокам. Та умчалась галопом, вздымая клубы пыли.

Пен спешился и передал поводья Гансу, который с сомнением взирал на происходящее. Служанка средних лет окинула взглядом аккуратный, благочестивый коричневый костюм Пена и, кажется, успокоилась.

— Святой Ручии внезапно стало плохо, — сказала она, показав на старую женщину, которая лежала, прерывисто дыша. — У нее в груди вспыхнула сильная боль, и она упала.

— О, мне стало плохо намного раньше, — возразила старая женщина между вдохами. — Я слишком задержалась в Дартаке... *Говорила* же глупцам провести надо мной обряд.

Разрываемый любопытством, тревогой и осознанием того, что, отправясь он в город раньше, как было велено, ему не пришлось бы возиться со всем этим, Пен опустился на колени рядом со старой женщиной. Осторожно потрогал ее лоб, как поступала с ним мать; наощупь кожа казалась липкой, а не горячей. Он понятия не имел, что делать, но ему казалось неправильным просто вернуться в седло и уехать, несмотря на суровые взгляды и крепко стиснутые губы Ганса.

— Я лорд Пенрик из рода Юральд, баронов этой долины, — сказал он, махнув в ту сторону, откуда они приехали. Что сказать дальше, он не знал. В этой компании женщина казалась главной, но явно наименее способной командовать, учитывая ее состояние. Соскользнувший с плеча плащ открыл приколотый храмовый символ — не зелено-золотой, Матери Лета, как можно было ожидать, и не сине-белый, Дочери Весны, но бело-кремово-серебряный — Бастарда, пятого бога,

внесезонного повелителя всех несчастий. Пен слотнул, пряча изумление.

Женщина хрипло усмехнулась и, пошевелившись, подняла скрюченную руку к его лицу.

— Милый мальчик. Более приятное последнее зрелище, нежели мрачная Марда. В своем роде дар. Но эти цвета тебе не идут.

Пен поднял голову и посмотрел на служанку, которая отошла в сторону, когда он опустился на колени.

— Она бредит?

Служанка покачала головой.

— Откуда мне знать? Она выдавала вещи, которых никто не понимает, с тех самых пор, как мне велели сопровождать ее.

Губы старухи дернулись.

— Неужели? — произнесла она. Казалось, она обращается не к Марде или Пенрику. — *Это* заставит глупцов поплясать. — Она с трудом сделала вдох. — Надо полагать, нелогично желать при этом присутствовать.

Пугаясь все сильнее, чувствуя себя глупым и бесполезным, Пен все же попробовал:

— Разрешите служить вам в вашей нужде, Просвещенная.

Она пристально смотрела на него на протяжении двух прерывистых вдохов, потом прохрипела:

— Принято.

Она умирает. Холод и липкость были совсем не похожи на лихорадочный жар и зловоние смертного одра его отца, но эту бледность ни с чем нельзя было спутать. Больше всего Пенрику хотелось убежать, но упавшая рука женщины нашла его руку и слабо вцепилась в нее. Ему не хватило чего-то — трусости? отваги? — чтобы стряхнуть ее ладонь. Краем глаза он заметил, что служанка и стражник поспешно пятятся назад. *В чем дело?*

— Лорд Бастард! — выдохнула женщина. — Твои врата *причиняют боль*. Мог бы лучше позаботиться о своих слугах...

Если все, что он мог сделать, это держать ее за руку, то так тому и быть, в отчаянии решил Пенрик и крепче сжал ладонь женщины.

На мгновение ее карие глаза словно вспыхнули темно-пурпурным светом. Потом, между очередным вдохом и... тишиной, погасли и замерли.

Больше никто не смотрел на Пенрика.

Он услышал гомон женских голосов, болтавших на разных языках, большую часть которых он не понимал, вскрикивающих от ужаса и боли. Его пульсирующая от напряжения голова будто взорвалась частой спутанной сетью белых молний.

Потом — чернота.

Странные сны рассыпались, когда Пенрик очнулся, страдая от кошмарной головной боли, ужасной жажды и отчаянной потребности помочиться. Он лежал в постели в маленькой комнатке, под самой крышей, если судить по наклону беленого потолка. На нем были только рубаха и кальсоны. Когда он со стоном зашевелился, над ним возникло незнакомое лицо. Пен не слишком ободрился, увидев зеленую тунику посвященного Ордена Матери. Последовало несколько минут суеты — сперва человек помог Пенрику воспользоваться горшком, а потом оттащил его от окна, куда тот пытался высунуть голову. Судя по увиденному им кусочку улицы и небу, он находился в Гринуэлл-тауне, возможно, в богадельне Матери. По-прежнему было утро, так что, быть может, он не *слишком* опоздал? По настоянию посвященного Пен снова упал на кровать и попросил чашку воды, после которой у него остались только головная боль и полное замешательство.

— Как я сюда попал? Я был на дороге. Я потерял сознание? Где мой костюм? — Он очень надеялся, что костюм уцелел. Не говоря уже о ботинках, которых тоже не было. — Там была больная старуха, святая...